

*В снежной пене – предзакатная –
Ты встаешь за мной вдали,
Там, где в дали невозвратные
Повернули корабли.*

А. Блок

Кеелут не так уж много лет, а лицо все изъедено морщинами, как дерево жуком-короедом.

Это все из-за ветра. И снега. Из-за снега с ветром и ветра со снегом, а еще от холодного солнца, долгой ночи и большой тяжелой ноши – тоски. Вот и сейчас Кеелут стоит на камнях у берега, вглядывается в серую морскую даль, а короед уже выел между бровями новые складки.

Ка-Ха-Си, мать-природа, сегодня сурова: вздула плащ ветром, облепила мех на воротнике снегом, покрыла посох инеем. Но Кеелут сильная. Кеелут терпит. Кеелут ждет.

Вдруг у самых ног – тихий плеск. Что там? Рыба? Нет, тельце крупное, с младенца, глаза льдистые, рот лягушачий, за ушами – жабры. Не рыба и не человек, а пинга, шустрый морской дух. Любопытства – с кита, а ума – три икринки.

Плюх, кувырк – и вот уже окатила сапоги брызгами. Кеелут цокает языком. Ну, чего пристала?

– Глупый человек, – хихикает морская дуреха, – зачем так близко подходишь к морю?

Кеелут ежится, переступает на скользком камне.

– Глупая пинга, зачем так близко подплываешь к людям?

– Вовсе не близко – палкой своей меня не достанешь.

– Не больно-то и хотелось. Не удочка это, а посох.

– Посох? Зачем он тебе?

Кеелут оборачивается на покрытый снегом берег, туда, где видны серые веревочки дыма – смиренная связь между домами и небом, людьми и духами.

– Хожу много. То в одну деревню позовут, то в другую. Провожатель душ в последний путь каждому когда-то нужен – без моей прощальной песни ни один погибший воин дорогу к небесным духам не найдет.

Пинга юркает в воду – только чешуя на хвосте блестит. А любопытный нос уже торчит с другой стороны:

– Провожатель душ, значит? В последний путь? Ну а меня зачем звала?

– Да с чего ж ты решила, что я звала? – удивляется Кеелут.

– А как еще? Каждый день, как солнце скрывается, так ты к морю идешь. Стоишь всю ночь, песню свою мурлычешь, высматриваешь. Разве не меня ждешь?

– Не тебя, – вздыхает Кеелут. – Жду корабль с белокрылой кайрой на парусе – и капитана его.

Пинга плюхается на спину. Покачивается на волнах блестящей пузатой звездой.

– Капитана, значит... Давно?

– Четвертый год. Уплыл в дальние земли, и ни весточки от него не пришло. Может, забыл меня, другую нашел. Не нужна я больше...

Льдистые глаза вспыхивают ярче, пинга бьет хвостом о воду.

– Кайра на парусе, говоришь? Ну-ка погоди, постой здесь, я проверю.

Взмах хвоста – и нет ее, только море вокруг Кеелут бурлит, идет крупной волной – а потом замирает. Даже ветер теперь не кричит, а шепчет. Кроме сбитого дыхания Кеелут, ничего и не слышно.

Ну где же, где же ты, плутовка?

Вдруг ледяные брызги летят в лицо, а под водой видна зубастая улыбка.

– Ну? – требует Кеелут, не в силах сдержаться. – Ну? Что там, в море? Увидела?

– Увидела! – булькает дуреха, пуская пузыри губами. – Увидела! Плывет сюда корабль с кайрой на парусе! Еще немного – и из-за скалы появится!

Кеелут подается вперед, чтобы лучше слышать, видеть. Сапоги скользят на мокрых камнях.

– А капитан? Капитан, что же? Там?

– Там!

– И? – В глазах темнеет, сердце трещит, как подтаявший лед. – Нужна я ему?

– Нужна, – шепчет пинга. – Сама же говорила – провожатель душ в последний путь каждому нужен.

И в воду – бульк. Только брызги на сапогах оставила.

